ЗАПИСКИ СИБИРЯКА.

РОДИЛСЯ въ 1813 году, и это важное для меня событіе совершилось въ одной изъ внутреннихъ губерній, въ усадьбѣ моего дѣда—помѣщика. Не помню ни мѣста, гдѣ я родился, ни людей, среди которыхъ прошли первые годы моей жизни. Четырехлѣтнимъ ребенкомъ привезли меня въ Сибирь, въ Иркутскъ.

Случилось это вотъ почему. Имѣніе моего дѣда было заложено въ опекунскомъ совѣтѣ. Дѣдъ умеръ внезапно, не оставивъ завѣщанія. Послѣ смерти дѣда начался разборъ между тремя сыновьями его изъ-за наслѣдства. Кончилось тѣмъ, что имѣніе продали за невзносъ процентовъ. На долю моего отца пришлось что-то очень не много. Повѣривъ разсказамъ, что въ Сибири соболи бѣгаютъ по улицамъ, а золото копаютъ въ огородахъ, простодушный отецъ мой отправился въ Сибирь искать счастія, съ женою, матерью жены и двумя мальчиками. Помню, мы пріѣхали въ Иркутскъ зимою и пріютились въ какомъ-то невзрачномъ домѣ; окна были маленькія, обледененныя, трещали отъ мороза.

Жутко намъ было въ этой сторонкѣ, холодной, непривѣтливой, особенно въ первое, по пріѣздѣ, время. Отецъ, сообразивъ, что ему, какъ бывшему помѣщику, всего лучше заняться сельскимъ хозяйствомъ, арендовалъ нѣсколько десятинъ земли близъ города и устроилъ мельницу. Мысль устроить образцовое хозяйство и показать сибирякамъ, какъ вести это дѣло, поддерживала его энергію.

Не повезло ему, бѣдному. Онъ былъ постоянно въ хлопотахъ и тревогѣ: то потрава хлѣба чужимъ скотомъ, то похищеніе

сѣна, то плотину мельницы прорвало, то шестерня испортилась. Кончилось тѣмъ, что все это надо было бросить.

Между тѣмъ, семья наша увеличилась. Кромѣ меня и брата, были еще три сестренки. Я старшій. Хорошо приготовленный дома матерью, я поступилъ въ первый классъ гимназіи и, когда гимназія изъ 4-хъ-классной была преобразована въ 7-ми-классную, я, какъ первый ученикъ, былъ переведенъ изъ 1-го въ 5-й классъ.

Жили мы тихо, уединенно. Я и братъ учились въ гимназіи, сестренки дома. Особенное оживленіе въ домѣ было передъ праздниками Рождества и Пасхи: все чистилось, мылось. Во время святокъ собирались къ намъ знакомые, танцовали подъ музыку органа, пѣли святочныя пѣсни. Въ то время и во всемъ городѣ жилось просто, патріархально.

Въ концѣ августа и въ сентябрѣ, бывало, по всему городу раздавались пѣсни и стукотня; это рубили капусту. Почти въ каждомъ домѣ поочередно собирались знакомые помочь хозяевамъ рубить и приготовлять этотъ продуктъ на зиму.

При этомъ случаѣ пѣли, угощались, вечеромъ танцовали. Такое развлеченіе называлось капустникомъ. Громкія пѣсни раздавались въ городѣ и по случаю свадебъ. Были какъ бы присяжныя пѣвуньи, иногда цѣлый хоръ женскій.

Время шло, и четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ я кончилъ гимназію, получивъ право на чинъ, золотую медаль, премію за сочиненіе и предложеніе ѣхать, на счетъ казны, въ университетъ Казанскій или Московскій. Сколько радости было дома, когда я явился туда со всѣми этими прелестями. Въ университетъ принимались тогда только достигшіе 16 лѣтъ, и потому мнѣ пришлось бы попасть туда черезъ два года; чтобы не терять времени даромъ, меня зачислили на службу въ главное управленіе Восточной Сибири.

Какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ семьей нашей. Хозяйство и вообще дѣла отца совсѣмъ разстроились. Онъ былъ постоянно печальный, задумчивый. Мать часто плакала, но казалась веселою, старалась скрывать жалкое положеніе семейства. Не вынесла, бѣдная, лишеній и горя, слегла въ постель, чтобы уже не подняться съ нея.

Когда она умерла, мы не плакали, но, какъ окаменѣлые, проводили ее въ могилу. Справедливо повѣрье: придетъ бѣда, отворяй ворота. Только что схоронили мы матушку, умеръ братишка—одиннадцатилѣтній гимназистикъ, а вскорѣ—сестра шестнадцатилѣтняя, ангелочекъ, какъ называли ее знакомые. Черезъ годъ не стало и отца. Онъ умеръ внезапно, оставивъ намъ два мѣдныхъ пятака, но ни копейки долгу. Не забуду тѣхъ страшныхъ минутъ, когда я стоялъ надъ могилой отца, когда ее зарывали, и очнувшись увидѣлъ, что никого изъ бывшихъ на похоронахъ уже нѣтъ, и я, мальчикъ, остался въ этомъ мірѣ одинъ, безъ средствъ къ жизни и безъ друзей, съ двумя юными сиротами и едва двигавшейся бабушкой. Остав-

шись единственнымъ кормильцемъ ихъ, мнѣ было уже не до университета. Потомъ сестры вышли замужъ, но и тутъ судьба, какъ злая мачиха нашей семьи, не благословила ихъ ни семейнымъ счастіемъ, ни долгой жизнью. Старшая умерла черезъ три года, меньшая черезъ годъ послѣ замужества.

Но какая ирошія? Вскорѣ послѣ того, какъ вся семья моя, кромѣ бабушки, преждевременно сошла въ могилу, можетъ быть, отъ горя и лишеній, бабушка нежданно—негаданно получила наслѣдство, и значительное, послѣ дальняго родственника, умершаго бездѣтнымъ.

Вотъ я и на службѣ въ главномъ управленіи Восточной Сибири. Оно состояло тогда изъ четырехъ отдѣленій и совѣта, въ которомъ предсѣдательствовалъ генералъ-губернаторъ. Четверо членовъ совѣта, управлявшихъ отдѣленіями, назначались въ эти должности по избранію генералъ-губернатора, а трое были представителями министерствъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ. Они назначались министрами и утверждались верховною властью. По дѣйствовавшему въ то время сибирскому уложенію, 1822 года, члены совѣта отъ министерствъ должны были быть противовѣсомъ генералъ-губернаторской власти, т. е. не допускать ее до произвола; на самомъ же дѣлѣ выходило, что эти противовѣсы были покорными слугами власти, а если кто вздумалъ высказывать мнѣнія, неугодныя генералъ-губернатору, такого смѣльчака, какъ безпокойнаго, убирали съ мѣста.

Восточная Сибирь была въ то время необъятною. Въ составъ ея входили: Иркутская, Енисейская губерніи, Забайкальская, Якутская области съ Камчаткою и островами Алеутскими и Курильскими.

Если Филлиппъ II-й испанскій хвасталъ, что во владѣніяхъ его не заходило солнце, то генералъ-губернаторъ тогдашней восточной Сибири могъ похвалиться, что въ сѣверныхъ частяхъ управляемой имъ территоріи солнце не показывается въ теченіе полугода.

Надъ такимъ необъятнымъ пространствомъ земли царила почти неограниченная власть одного лица, и горе было странѣ, если власть эта попадала въ недобрыя руки. Ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфа еще не было. Почта приходила изъ Петербурга въ Иркутскъ черезъ мѣсяцъ, а весною и осенью, въ распутицу, черезъ два и даже три мѣсяца. Въ мѣста же отдаленныя, какъ Камчатка, Охотскъ, корреспонденція попадала иногда черезъ годъ. При такихъ условіяхъ края, произволу власти былъ просторъ полнѣйшій. Но все терпѣлось. Народная пословица: до Бога высоко, до царя далеко, безъ сомнѣнія, сложилась въ Сибири.

Не считаю лишнимъ сказать нѣсколько словъ о членахъ совѣта, управлявшихъ отдѣленіями главнаго управленія и считавшихся помощниками генералъ-губернатора. Начальникъ 2-го отдѣленія писалъ доклады и рѣшенія по дѣламъ такъ туманно и плодовито, что читать и слушать ихъ считалось наказаніемъ, пыткою. На періоды и подраздѣленія, при изложеніи обстоятельствъ дѣла,

пускались въ ходъ: а, б, в, и когда недоставало алфавита, употреблялись: аа, бб, вв, и такъ далѣе. Начальникъ 1-го отдѣленія подписывалъ все, что написали столоначальники, и стрѣлялъ тѣмъ, чѣмъ его зарядятъ. Разсказывали, что когда онъ получилъ вторую ленту, то, не потрудившись заглянуть въ правило, какъ слѣдуетъ носить ее. повѣсилъ на себя обѣ ленты крестообразно и въ этомъ каррикатурномъ видѣ показывался въ торжественныхъ случаяхъ, пока его не образумили. Начальникъ 3-го отдѣленія—коренной сибирякъ, самоучка, знавшій отлично край и его нужды, былъ едва ли не единственный чиновникъ того времени—безупречный во всѣхъ отношеніяхъ. 4-е отдѣленіе (горное) составляло тогда особое царство. Оно вѣдало всѣ казенные горные заводы и золотые пріиски, считалось богатѣйшимъ и попасть туда на службу удавалось только счастливцамъ. Должности горныхъ исправниковъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ были тогда, да и теперь, чиновничьимъ эльдорадо. На эти должности попадали или по сильной протекціи или ловкачи и скоро дѣлались богачами. Вообще же чиновники главнаго управленія были люди весьма приличные, какъ подобаетъ служащимъ въ высшемъ учрежденіи, и на чиновъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ смотрѣли свысока, какъ на людей низшей расы. Однако высокое о себѣ мнѣніе не мѣшало имъ уходить на должности земскихъ засѣдателей, исправниковъ и вообще на мѣста выгодныя. Взятки не считались дѣяніемъ предосудительнымъ. Всѣ знали, какія должности и сколько даютъ доходу, кромѣ жалованья. Винный откупъ щедро награждалъ чиновниковъ и деньгами и водкой. Получавшій 1.000 рублей въ годъ казеннаго жалованья, это было въ то время большимъ окладомъ, жилъ такъ, какъ можно жить, получая нѣсколько тысячъ. Молодецъ, говорили одни, умѣетъ пользоваться своимъ положеніемъ, счастливецъ—завидовали другіе. Оправдывались тѣмъ, что казна, отпуская чиновникамъ мизерное жилованье, какъ бы узаконила этимъ побочные доходы.

Главный начальникъ края—обрусѣлый нѣмецъ, величавой наружности, человѣкъ добрый, смотрѣлъ сквозь пальцы, какъ наживались его любимцы, и, какъ говорили, самъ былъ не безъ грѣховъ.

Замѣчательно, что народъ, на счетъ котораго богатѣли «барины», какъ называлъ народъ засѣдателей, исправниковъ, не жаловался, потому ли что жилъ, сравнительно съ теперешнимъ, зажиточнѣе, или молчалъ изъ боязни прослыть за безпокойнаго. Послѣднее вѣроятнѣе. Однако, какъ оказалось, не все было шито да крыто. Неожиданно нагрянула на Восточную Сибирь сенаторская ревизія. Переполохъ былъ сильный, особенно въ чиновничьемъ мірѣ. Иркутянъ очень занимали красный мундиръ сенатора и золоченые придворные мундиры его чиновниковъ. Народъ сбѣгался туда, гдѣ могъ видѣть диковинные для него костюмы. Сенаторъ Толстой былъ серьезный, симпатичный. Свита его почти всѣ титулованные моло-

дые люди, прибывшіе для дѣла, но на самомъ дѣлѣ, чтобы потомъ поразсказать о своихъ трудахъ въ суровой, дикой сторонѣ и получить приличную награду. Сначала пріемы ревизоровъ никого не пугали. Начальникъ края и ревизующій сенаторъ были, повидимому, довольны другъ другомъ. Городъ повеселѣлъ: балы и праздники устроивались безпрестанно. Но, увы, это продолжалось недолго. Пробѣжала черная кошка. Праздники прекратились. Сенаторская свита стала особнякомъ, какъ бы замкнулась въ своемъ кругу. Туземные чиновники раздѣлились на партіи. Многіе, заискивая у ревизоровъ, обнаруживали разныя продѣлки своихъ сослуживцевъ, не сознавая, что этимъ выставляли себя въ самомъ некрасивомъ видѣ. Лагерь генералъ-губернаторскій пустѣлъ. Оставили его и тѣ, которые были обязаны ему своимъ служебнымъ и обезпеченнымъ, не по заслугамъ, положеніемъ. Справедливо сказано кѣмъ-то, что человѣкъ отличается отъ другихъ животныхъ особенно рѣзкимъ качествомъ— неблагодарностію. Однако ничѣмъ полезнымъ для края сенаторская ревизія не выразилась. Осталось, кромѣ увольненія нѣсколькихъ мелкихъ чиновъ, все постарому. Поплатился за все и за всѣхъ только главный начальникъ края тѣмъ, что вскорѣ послѣ отъѣзда ревизоровъ уѣхалъ изъ Восточной Сибири.

Настало затишье, какъ бываетъ передъ грозой и бурей. И гроза не замедлила разразиться въ лицѣ новаго генералъ-губернатора Муравьева. Это была необыкновенно дѣятельная, энергичная, честнѣйшая личность, но слишкомъ предубѣжденная противъ сибиряковъ и особенно противъ чиновниковъ-туземцевъ. Это онъ не стѣснился высказать на первомъ офиціальномъ пріемѣ. Впослѣдствіи, присмотрѣвшись ближе къ жизненнымъ условіямъ края и людямъ, онъ жалѣлъ, что опрометчиво и рѣзко относился ко всѣмъ туземцамъ въ первое, по пріѣздѣ, время. Добрѣйшій, но вспыльчивый, онъ часто раздражался и въ минуты гнѣва былъ страшенъ. Былъ такой случай. Маленькій чиновникъ Крюковъ производилъ какое-то слѣдствіе. Сторона, недовольная слѣдствіемъ, жаловалась, что оно производится нечисто, пристрастно. Муравьевъ повѣрилъ извѣту, разгромилъ Крюкова, грозилъ ссылкою его въ Нерчинскіе каторжные рудники. Крюковъ на эти угрозы флегматично отвѣтилъ, что никого изъ Крюковыхъ въ Нерчинской каторгѣ еще не было, а Муравьевы были. Затѣмъ, изъ генералъ-губернаторскаго дома, стоящаго на берегу Ангары, Крюковъ отправился къ рѣкѣ и противъ оконъ дома, переломилъ свою шпагу и бросилъ ее и трехъугольную шляпу въ рѣку, громко возглашая, что мундиръ его опозоренъ.

Къ чести Муравьева, онъ не разсердился на дерзкій, дикій отвѣтъ Крюкова и выходку его съ мундиромъ. Узнавши потомъ суть дѣла, которое производилъ Крюковъ, и его совершенную не-

винность, Муравьевъ старался приблизить его къ себѣ и былъ внимателенъ къ нему и ласковъ.

Чтобъ облагородить земскую службу, какъ тогда говорилось, на мѣсто исправниковъ и засѣдателей посадили молодыхъ чиновниковъ, пріѣхавшихъ съ Муравьевымъ, но они не сумѣли расположить къ себѣ народъ, обращались съ нимъ свысока, не входили въ его нужды, и волостные писаря попрежнему властвовали надъ мужиками.

Въ числѣ эпизодовъ, имѣвшихъ мѣсто во время управленія Муравьева, нельзя не вспомнить о дуэли чиновниковъ его Б. и Н., кончившейся смертью Н. Это небывалое въ Иркутскѣ событіе взволновало весь городъ. Одни смотрѣли на дуэль, какъ на неизбѣжное зло по обще принятымъ понятіямъ о чести, другіе видѣли тутъ преднамѣренное убійство. Такъ посмотрѣлъ на дѣло и тогдашній дореформенный окружный судъ и написалъ грозное постановленіе. За эту смѣлость, не имѣвшую значенія безъ утвержденія высшей инстанціи—губернскаго суда, двое членовъ окружнаго суда были уволены отъ службы, а двое, должно быть, самые заядлые, посидѣли въ острогѣ. Антагонисты дуэли величали ихъ героями, но никто не помогъ бѣднякамъ, когда они, лишившись службы, остались безъ хлѣба.

Мысль о присоединеніи къ Россіи рѣки Амура возникла у Муравьева вскорѣ по прибытіи его въ Восточную Сибирь. Нетерпѣливый, онъ энергично принялся за дѣло. Для рекогносцировки Амура и земель по теченію его посланы были топографы, изъ которыхъ одинъ, молодой Вагановъ, былъ убитъ дикарями. Собирались свѣдѣнія и преданія о попыткахъ извѣстныхъ смѣльчаковъ Хабарова и другихъ овладѣть Амуромъ, отправлены изъ Забайкальскаго края нѣсколько семей тамошнихъ казаковъ для поселенія на берегахъ Амура, были двинуты туда и пушки, на случай столкновенія съ китайцами.

Но сыны поднебесной имперіи, ошеломленные смѣлостью русскихъ, не оказали никакого сопротивленія, и правая сторона Амура отъ Срѣтенска, прежней границы съ Китаемъ, до восточнаго океана, была занята русскими, не потерявшими при этомъ ни одного солдата.

Первые годы новый край былъ тяжелымъ бременемъ для казны и для Забайкальской области. Изъ Забайкалья переселялись на Амуръ казаки и крестьяне, большею частью, недобровольно. Изъ Забайкалья бралось продовольствіе для экспедиціи и для переселенцовъ. Изъ казны требовалось много денегъ на колонизацію новаго края, на разныя постройки и укрѣпленія, передвиженіе военныхъ командъ, командировки чиновниковъ. Сколько было случаевъ не предвидѣнныхъ: то барку съ хлѣбомъ и припасами разбило, то хлѣбъ подмокъ и сдѣлался ни на что негоднымъ. Былъ такой ужасный случай: небольшая военная команда, позднею осенью, когда Амуръ уже замерзалъ, возвращалась берегомъ рѣки въ Срѣтенскъ. Хлѣба

достало у солдатъ только на половину пути. Измученные труднымъ походомъ, холодомъ, снѣжными бурями, голодные солдаты сдѣлались канибалами. Жребій—кого съѣсть, палъ на юнкера Г., и его съѣли. Купцы, поставщики на Амуръ хлѣба и припасовъ, конечно, не упускали случаевъ пользоваться и поставляли все по баснословнымъ цѣнамъ.

Н. Н. Муравьевъ былъ гостемъ въ Иркутскѣ. Раннею весною онъ отправлялся на Амуръ и возвращался оттуда позднею осенью, а зимою ѣздилъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій по дѣламъ Амурскаго края. Въ отсутствіе его предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ главнаго управленія Венцель, губернаторъ иркутскій, старикъ добродушный и преналвный.

Разсказывали о немъ много забавныхъ анекдотовъ. Въ отсутствіе Муравьева начальникъ штаба З. и провіантмейстеръ Т. заключили съ нѣсколькими иркутскими купцами контрактъ на поставку разныхъ припасовъ для Амурскаго края. Венцель утвердилъ контрактъ своею подписью. По возвращеніи въ Иркутскъ, Муравьевъ призвалъ къ себѣ Венцеля и взволнованный, сердитый, обратился къ нему съ такою рѣчью: «Въ числѣ многихъ непріятныхъ для меня случаевъ, въ мое отсутствіе, выдается особенно контрактъ на поставку продовольствія для Амурскаго края. Прошу послушать: хлѣбъ на рынкѣ 35 коп. пудовка, по контракту выдано купцамъ по 2 р. 25 к.»! —«Ай, ай, ай!»—воскликнулъ Венцель.—«Крупа на базарѣ по 1 р. 50 к., въ контрактѣ же она по 3 р. 50 к.».—«Ай, ай, ай!»—качалъ головою Венцель.—«Горохъ стоитъ 70 коп., по контракту же 2 р. 70 к.»—«Ай, ай, ай!»—вздыхаетъ Венцель и спрашиваетъ, кто же подписалъ этотъ ужасный контрактъ, и на отвѣтъ Муравьева: «подписали вы, ваше превосходительство»,—«ай, ай, ай!»—ломая руки, простоналъ Венцель. Какъ ни былъ Муравьевъ взбѣшенъ, но такая дѣтская наивность Венцеля обезоружила его; онъ не могъ удержаться отъ смѣха. Совершившіе такой выгодный для казны контрактъ, начальникъ штаба З. и провіантмейстеръ Т. до возвращенія Муравьева въ Иркутскъ, вѣроятно, предчувствуя грозу, исчезли въ отпускъ и въ Иркутскъ уже не возвращались.

Съ Венцелемъ было много разныхъ приключеній. Разъ, въ числѣ другихъ представлялся ему молодой офицеръ и, спускаясь съ лѣстницы губернаторскаго дома, внезапно умеръ отъ аневризма. Это тяжело подѣйствовало на Венцеля, хотя онъ былъ тутъ не причемъ. Вскорѣ послѣ того, въ числѣ просителей, пришла къ Венцелю какая-то барыня. Венцель, выслушавъ просьбу ея, сталъ объяснять ей, что претензія ея не основательна. Барыня, не убѣдившись его словами, обозвала его колпакомъ.

— Какой вы губернаторъ,—кричала она,—не губернаторъ, а колпакъ.

Нѣмецъ, какъ ни былъ сдержанъ, вспылилъ.

— Вижу, сударыня,—отвѣтилъ онъ, — что вы дура, дура, — и скрылся въ кабинетъ.

Но вдругъ его обезпокоила мысль, что, можетъ быть, этимъ браннымъ словомъ онъ поразилъ бѣдную женщину и, вспомнивъ внезапную смерть офицера, струсилъ.

Прислушивается: въ пріемной тихо, это взволновало его еще болѣе.

— Ради Бога,—сказалъ онъ случившемуся у него чиновнику,— идите скорѣе, узнайте, что дѣлается съ барыней, которая обругала меня колпакомъ.

Чиновникъ скоро воротился и отрапортовалъ, что «барыня идетъ по улицѣ и громко ругаетъ ваше превосходительство».

— Слава тебѣ, Господи,—обрадовался Венцель и перекрестился.

Кажется, въ 1857 г. Иркутскъ праздновалъ присоединеніе къ Россіи Амурскаго края и полученіе Н. Н. Муравьевымъ графскаго титула. 12-ти-лѣтнее управленіе Муравьевымъ Восточною Сибирью должно быть вписано крупными буквами въ лѣтописяхъ Сибири. Онъ пробудилъ край отъ вѣковой спячки; явилось сознаніе, что не одни личные интересы, но и интересы общественные и государственные должны занимать каждаго разсуждающаго человѣка и гражданина. Край оживился. Заговорили о неотложной необходимости школъ для народа, которыхъ до того было очень немного и только въ центрахъ, густо населенныхъ. Въ то время декабристы кончили сроки наказанія и были разселены по разнымъ городамъ и селеніямъ Сибири. Волконскіе, Трубецкіе, Юшневскіе и друг. были поселены въ деревняхъ близъ Иркутска. Муравьевъ позволилъ имъ жить въ Иркутскѣ. Они жили тихо. Ихъ деликатное обращеніе со всѣми и порядочность, стремленіе пробудить въ другихъ сознаніе человѣческаго достоинства оказали полезное, въ нравственномъ отношеніи, вліяніе, можно сказать, на весь городъ. Муравьевъ оставилъ Иркутскъ въ 1860 г., сопровождаемый горячимъ и искреннимъ изъявленіемъ признательности и уваженія.

Послѣ Муравьева генералъ-губернаторомъ былъ М. С. Корсаковъ. Главною заботою его десятилѣтняго управленія Восточной Сибирью было поддерживать то, что создано Муравьевымъ. Въ первые три или четыре года до женитьбы на вдовѣ иркутскаго полицеймейстера, Корсаковъ жилъ весело, постоянно окружаемый толпой дамочекъ иркутскаго бомонда. Въ этомъ миломъ кружкѣ составлялось мнѣніе о лицахъ служебнаго міра, испрашивались награды и милости.

Управленіе Корсакова ознаменовалось двумя весьма непріятными эпизодами. Первый—побѣгъ извѣстнаго анархиста Бакунина, который былъ сосланъ въ Восточную Сибирь, подъ непосредственный надзоръ генералъ-губернатора, втерся въ довѣріе его, выпросился на Амуръ, будто бы, изъ любознательности и убѣжалъ оттуда, кажется, въ Америку. Второй прискорбный случай—бунтъ ссыльныхъ поляковъ на Круго-Байкальской дорогѣ. Ранѣе, сообщеніе съ Забай-

кальскимъ краемъ было черезъ Байкалъ на парусныхъ купеческихъ судахъ и на единственномъ пароходѣ, который ходилъ тихо и неисправно. Сухопутная дорога въ Забайкалье проходила чрезъ высокія горы только верхомъ. Проѣзжая по этой головоломной дорогѣ, проложенной когда-то давно землемѣромъ Чортовымъ по фамиліи, я видѣлъ на стѣнахъ одной станціи разныя надписи, проклинавшія дорогу и ея строителя, и, между прочимъ, стихи:

Ну, Чортовъ ты заставилъ
Себя невольно помянуть,
Своимъ путемъ себя прославилъ:
Ужъ настоящій чортовъ путь.

Признано было, въ управленіе Корсакова, цѣлесообразнымъ устроить дорогу берегомъ Байкала отъ села Култука до монастыря Посольскаго, на протяженіи болѣе 200 верстъ. Для работъ было отправлено вмѣстѣ съ ссыльно-поселенцами русскими около сотни ссыльныхъ поляковъ. Это было, сколько помню, въ 1865 г. Руководителями работъ, по проложенію дороги, были полковники Шоцъ и Черняевъ. Поляки, сговорившись между собою, напали врасплохъ на конвойныхъ солдатъ, захватили ихъ ружья, арестовали Шоца и Черняева, хотѣли ихъ повѣсить. Къ счастью ихъ, одинъ изъ поляковъ, не соглашавшійся на такое постыдное убійство, далъ имъ возможность ночью спастись бѣгствомъ. Національная черта характера поляковъ высказалась тотчасъ же. Начались споры изъ-за власти: кому командовать и въ какую сторону броситься. Для укрощенія бунтовщиковъ была послана изъ Иркутска военная команда, подъ начальствомъ энергичнаго полковника Рика. Укрываясь въ лѣсу и въ ущельяхъ горъ, поляки стрѣляли въ солдатъ и убили офицера.

Сформировался небывалый до того времени въ Иркутскѣ публичный судъ надъ бунтовщиками. Жалко было смотрѣть въ судѣ на это панургово стадо, увлеченное въ преступленіе нѣсколькими отчаянными головами. Четверо главныхъ зачинщиковъ и руководителей бунта были повѣшены.

Послѣ Корсакова генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири былъ Н. П. Синельниковъ. Онъ, ранѣе того, губернаторствовалъ въ Воронежской, Волынской и Московской губерніяхъ и оставилъ тамъ хорошую о себѣ память. Онъ пріѣхалъ въ Иркутскъ въ мартѣ 1871 г., когда городъ и окрестности его бѣдствовали отъ дороговизны хлѣба, по неурожаю его въ предыдущихъ годахъ. Тотчасъ по пріѣздѣ, или дорогою еще, Синельниковъ узналъ, что много хлѣба давно уже закуплено богатыми иркутскими жидами, и они не пускаютъ хлѣбъ въ продажу, ожидая еще большаго повышенія цѣнъ. Синельниковъ пригласилъ ихъ къ себѣ, и на другой же день послѣ разговора его съ жидами явилось на рынкѣ много хлѣба, и продавали его вмѣсто трехъ рублей за пудъ по рублю и дешевле. Этимъ

Н. П. расположилъ къ себѣ городъ и особенно бѣдное населеніе. Черезъ годъ послѣ этого праздновалось 50-лѣтіе службы Синельникова. Было много рѣчей и стиховъ въ честь юбиляра. Помню одинъ куплетъ:

Въ тотъ тяжкій для Иркутска годъ,
Когда въ унынiи народъ
О хлѣбѣ Господу молился,
Ты къ намъ Іосифомъ явился.

Несмотря на преклонный возрастъ, Н. П. былъ удивительно дѣятеленъ и энергиченъ. Каждое утро онъ принималъ просьбы, большую часть которыхъ разрѣшалъ тутъ же. «Этого нельзя, милый,—говорилъ онъ просителю, возвращая просьбу,—нельзя по закону»,—или посылалъ адъютанта въ присутственное мѣсто за справкой, почему не кончается дѣло, и съ приказаніемъ рѣшить немедленно; часто раздавалъ просителямъ деньги, убѣдившись, что они нуждаются. Да, это былъ популярнѣйшій начальникъ края. Народъ смѣло шелъ къ нему съ своими нуждами и оставался доволенъ его рѣшеніемъ. Пойдемъ къ «самому», такъ называлъ его народъ, онъ разберетъ и въ обиду не дастъ. Съ богатыми купцами и золотопромышленниками онъ обращался такъ, что они охотно, даже съ удовольствіемъ, жертвовали огромныя суммы на какое либо общественное для города и края дѣло. Такъ на эти пожертвованія, не прибѣгая ни къ казнѣ, ни къ городскимъ средствамъ, Синельниковъ устроилъ прочный, красивый валъ по берегу Ангары, для огражденія города отъ наводненія при разливахъ рѣки, иногда затоплявшихъ всѣ низменныя части города, построилъ домъ для благороднаго собранія, театръ, который процвѣталъ въ его время, при удачномъ подборѣ актеровъ, улучшилъ больничныя и тюремныя помѣщенія введеніемъ тамъ строгаго порядка и контроля.

Моя служба шла незавидно. Меня обходили повышеніемъ, наградами, называли гордецомъ, и я дѣйствительно гордился тѣмъ, что не заискивалъ ни у кого и ничего себѣ не просилъ. Однако, несмотря на такой несовременный взглядъ на жизнь и на службу, я давно бы распрощался съ Сибирью, если бы не жаль было оставить старушку—бабушку. Въ 1871 г. я похоронилъ ее и собрался оставить Иркутскъ навсегда. Я уже упаковалъ чемоданъ, когда получилъ повѣстку явиться къ генералъ-губернатору.

— Повремените малость уѣзжать изъ Сибири,—сказалъ мнѣ Синельниковъ.—Составьте докладъ о причинахъ частыхъ побѣговъ каторжныхъ изъ казенныхъ солеваренныхъ заводовъ и предположеніе, какими средствами удержать ихъ отъ побѣговъ. Желательно, чтобы эти средства были гуманныя.

Взявъ изъ горнаго отдѣленія переписку по этому предмету, я написалъ докладъ. Н. П. нашолъ его удовлетворительнымъ и предложилъ мнѣ остаться на службѣ членомъ совѣта главнаго управле-

нія Восточной Сибири отъ министерства финансовъ. Представленіе его объ этомъ утверждено въ Петербургѣ, и такимъ образомъ я вошелъ въ составъ высшей администраціи Восточной Сибири. Служить съ Синельниковымъ было нелегко. Какъ члену совѣта, не имѣвшему никакой отдѣльной части управленія, мнѣ приходилось управлять тѣми отдѣленіями главнаго управленія, которыя почему либо оставались временно безъ начальника, ѣздить на ревизію губерній. Однимъ словомъ я никогда не сидѣлъ безъ дѣла.

Памятна мнѣ поѣздка съ Н. П. въ Забайкалье. Отъ Иркутска до Читы, главнаго города Забайкальской области, 700 верстъ, и мы добрались туда только черезъ недѣлю. А почему?

На каждой станціи, особенно въ селеніяхъ многолюдныхъ, генералъ-губернатора ожидала толпа. Онъ выслушивалъ просьбы, желанія народа, и тутъ же творилъ, какъ говорится, судъ и расправу, раздавалъ подарки. Адъютантъ, сопровождавшій его, возилъ съ собою шкатулку съ золотыми и серебряными вещами, присланными изъ кабинета его величества, въ распоряженіе генералъ-губернатора, для поощренія трудолюбія и хорошаго поведенія крестьянъ и инородцевъ, а также дарственные кафтаны изъ синяго и темно-зеленаго сукна, украшенные позументомъ.

— Есть ли у тебя дѣти?—спросилъ Н. П. на одной станціи въ большомъ селѣ у благообразнаго старика.

— Четверо, батюшка, и двѣ дочери.

Тутъ подлѣ старика стояло трое его сыновей, рослыхъ молодцовъ. Изъ разспросовъ оказалось, что всѣ они живутъ вмѣстѣ, дѣлиться не хотятъ, старика уважаютъ, и онъ и сыновья трудолюбивы, въ кабакъ не ходятъ, и домъ ихъ, какъ говорится, полная чаша.

— Спасибо, старикъ, что выростилъ такихъ хорошихъ сыновей и хорошо живешь и ведешь свое хозяйство. Вотъ жалуется тебѣ государемъ кафтанъ, въ награду за хорошую жизнь и трудолюбіе.

Тутъ же облекли старика въ дарственный кафтанъ, и народъ въ восторгѣ кричалъ: справедливо, отецъ, праведно, спасибо, спасибо!

На другой станціи въ толпѣ стояла крестьянка съ двумя мальчиками 6 и 7 лѣтъ, умытыми, въ чистыхъ рубашкахъ, что рѣзко отличало ихъ отъ другихъ ребятъ—замарашекъ.

— Гдѣ живешь ты? — спросилъ Н. П. крестьянку-мать этихъ двухъ мальчиковъ.—Хочу посмотрѣть твое житье-бытье.

Пошли, сопровождаемые народомъ. Изба большая, раздѣленная крыльцомъ на двѣ половины. На дворѣ все прибрано, чисто, въ избѣ опрятно, столы покрыты бѣлой изъ крестьянскаго холста скатертью, на стѣнѣ—ручники, или полотенца, чистые. По словамъ сосѣдей, эта крестьянка справляется съ хозяйствомъ и дѣтьми одна, безъ работницы и находитъ еще возможность помогать мужу на полевыхъ работахъ.

Тутъ же даны ей золотыя серьги — царскій подарокъ за домовитость и опрятность. Такихъ случаевъ въ нашу поѣздку было нѣсколько. За то, въ каждомъ селеніи, гдѣ есть волостное правленіе, Н. П. громилъ волостныхъ писарей и старшинъ. Оказывалось при ревизіи книгъ, что, кромѣ сбора казеннаго подушнаго, и на мірскіе расходы, разрѣшенные начальствомъ, съ крестьянъ дѣлались еще поборы темные и въ размѣрѣ, въ три, четыре раза превышающемъ сборъ казенный. На какіе же предметы? На разныя общественныя нужды, отвѣчалъ бойкій писарь, какъ-то: наёмъ приличной квартиры для засѣдателей, исправниковъ и чиновниковъ, пріѣзжающихъ изъ губерніи, на угощеніе ихъ, на прибавку жалованья волостному писарю и старшинамъ.

— Ты и себя считаешь общественной нуждой? — спрашиваютъ писаря.

— Такъ точно, — самоувѣренно отвѣтилъ писарь.

Въ волостные писаря попадаютъ разными происками, большею частію, ссыльно-поселенцы и вообще людъ, прошедшій огонь и мѣдныя трубы. Прикрываясь авторитетомъ волостныхъ старшинъ и старостъ, почти вездѣ безграмотныхъ или умѣющихъ только кое-какъ подписать свое имя, волостные писаря властвуютъ и богатѣютъ на счетъ народа. Н. П. говорилъ, что темные поборы съ крестьянъ не даютъ ему уснуть спокойно. Послѣдовалъ грозный циркуляръ, чтобы всѣ поборы съ крестьянъ были гласные, чтобы не смѣли требовать ничего, кромѣ тѣхъ платежей, которые разрѣшены губернскимъ начальствомъ, чтобы за все, что съѣдятъ и выпьютъ гг. чиновники, платилось хозяину квартиры по таксѣ. Написана была и повѣшена на видномъ мѣстѣ и такса. Написанъ проектъ устройства въ многолюдныхъ селеніяхъ школъ, для приготовленія крестьянскихъ мальчиковъ на должности писарей и сельскихъ учителей. Но, увы, такса была только для вида, угощеніе шло попрежнему. Такъ глубоко вкоренился этотъ гостепріимный, на счетъ народа, обычай. Школы для писарей, устроенныя въ нѣсколькихъ селеніяхъ, тоже не привились и едва ли теперь есть гдѣ нибудь.

Н. П. не жаловалъ евреевъ. По закону, евреямъ запрещено пріѣзжать въ Сибирь и тамъ селиться. Могутъ проживать тамъ куццы, первогильдейцы, пробывшіе въ первой гильдіи не менѣе десяти лѣтъ, и ремесленники, послѣдніе временно. Несмотря на законъ, евреевъ наплодилось въ Сибири множество и въ городахъ и въ селахъ. Прикрываясь званіемъ ремесленника, они занимались излюбленнымъ своимъ ремесломъ: продажею водки, корчемствомъ, процентами за ссуды и вообще жидовскими гешефтами. Никакой казенный подрядъ не обходился безъ участія евреевъ, если не лично, то подъ именемъ кого нибудь правоспособнаго. Циркуляръ Синельникова о немедленномъ выселеніи изъ Восточной Сибири всѣхъ евреевъ, не имѣющихъ, по закону, права жить тамъ осѣдло, былъ для нихъ громовымъ ударомъ. Немногіе изъ нихъ выбрались изъ Восточной Сибири, но только на

время, пока гроза не утихнетъ. Большинство попряталось куда кто. Только что Синельниковъ выѣхалъ изъ Иркутска, жиды выползли изъ всѣхъ норъ и щелей, воротились и тѣ, которыхъ выпроводили изъ Восточной Сибири. Оставляя Сибирь, восемь лѣтъ тому назадъ, я съ горестію и ужасомъ видѣлъ, что евреевъ, этихъ всемірныхъ паіявицъ, расплодилось тамъ великое множество. Нѣсколько евреевъ приняло св. крещеніе, но это только для отвода глазъ, нѣсколько пробралось и въ государственную службу, а одинъ еврейчикъ, истый Янкель, получившій высшее образованіе въ школѣ кантонистовъ, ловкій, умѣющій угодить кому выгодно, теперь на видомъ мѣстѣ и едва ли не въ генеральскомъ чинѣ.

Нельзя не отдать справедливости симпатичнымъ качествамъ Синельникова. Онъ искренно желалъ и стремился избавить народъ отъ тяготы и произвола высшихъ надъ нимъ, улучшить его положеніе, освѣтить темныя стороны и былъ, несмотря на кратковременное управленіе, популярнымъ начальникомъ края. Но была и оборотная сторона медали. Своею для всѣхъ доступностію, желаніемъ все знать и видѣть самому, онъ, такъ сказать, парализировалъ права и власть губернскихъ и уѣздныхъ инстанцій. Всѣ, съ своими просьбами и нуждами, стремились къ нему «самому», какъ выражался народъ, игнорируя ближайшія власти, къ которымъ, прежде всего, слѣдовало обратиться.

Преемникъ Синельникова, баронъ Фредериксъ—джентльменъ съ наилучшемъ значеніи этого слова, съ прекрасными качествами души и сердца, не былъ популяренъ. Женитьба его на разведенной женѣ бывшаго иркутскаго полицеймейстера и страшный пожаръ, истребившій въ 1879 г. болѣе половины Иркутска, случившійся, впрочемъ, когда Фредериксъ былъ въ Забайкальѣ, омрачили, такъ сказать, безупречное во всѣхъ отношеніяхъ его управленіе краемъ.

Послѣдовавшее послѣ Фредерикса управленіе Восточною Сибирью, ознаменовалось раздѣленіемъ ея на два генералъ-губернаторства: Амурское—изъ областей Забайкальской, Амурской, Приморской съ Камчаткою, Командорскими островами, Сахалиномъ; Иркутское — изъ губерній Иркутской, Енисейской и Якутской области. Главное управленіе Восточной Сибири и совѣтъ съ представителями отъ министерствъ упразднены. При генералъ-губернаторѣ осталась небольшая канцелярія.

Уже восемь лѣтъ, какъ я оставилъ Сибирь. Теперь этотъ край, еще недавно какъ бы забытый и забитый, неузнаваемъ. Великій, желѣзный путь прорѣзываетъ его отъ Урала до Восточнаго океана. Дѣйствуетъ тамъ гласный судъ, положившій конецъ произволу и мраку. Край освѣжается новыми силами. Туда стремятся туристы, русскіе и иностранцы. Тамъ работаютъ ученыя комиссіи для изслѣдованія богатствъ, еще не тронутыхъ.

Все обѣщаетъ Сибири великую будущность. **А. П.**